

Молодой человек нагнулся, поднял этот неожиданный подарок уходящего лета – упругий, ещё не успевший завянуть листок, на котором блестели мелкие капельки дождя, – бросил беглый взгляд на деревья за окном, хлестаемые ливнем, которые отчаянно махали мокрыми ветвями, словно просили пощады у разбушевавшейся стихии. Потом достал телефон, машинально пролистал список контактов – длинный перечень имён и фамилий, – но так и не понял, кому из этих людей он мог бы позвонить прямо сейчас, с кем мог бы разделить эту щемящую, смутную тоску, что поднялась откуда-то из глубины души.

Когда-то, много лет назад, руководители соответствующих органов, всерьёз опасаясь, что оставшиеся на свободе подельники тех преступников, с которыми боролся его отец, могут учинить кровавую расправу над семьёй из мести, не просто сменили ему имя и фамилию в документах, но и полностью изменили все данные о регистрации, о месте рождения, о прошлом. Несколько месяцев назад по закрытым каналам просочилась тревожная информация: сын того самого главаря, которого застрелил его отец во время той роковой операции, не только вышел на свободу, но и примкнул к какой-то международной, хорошо законспирированной банде. Чтобы обезопасить Шэнь Чан Аня от возможного выслеживания и нападения, его тайно, под покровом ночи, переправили в этот тихий, захолустный Умин, снабдив новыми документами и настоятельно порекомендовав – нет, не порекомендовав, а приказав – по возможности полностью прекратить любые контакты с прежними однокурсниками, друзьями, знакомыми. Старая жизнь должна была исчезнуть, раствориться, словно её никогда и не было.

Палец медленно, почти лениво скользил по холодному стеклу экрана, перебирая одно имя за другим, высвечивая номера, на которые уже нельзя было звонить, пока наконец не остановился на строчке с именем "Дао Нянь" – единственном человеке, с которым ему ещё было позволено, и то с оговорками, поддерживать связь.

Чан Ань: "Господин Дао Нянь, скажите, а Вы верите в то, что в мире существуют призраки, духи умерших, какая-то потусторонняя нечисть?"

Он думал, что ответа, если он вообще последует, придётся ждать долго – Дао Нянь обычно отвечал не сразу, мог и вовсе проигнорировать праздные вопросы. Но, к его удивлению, сообщение пришло меньше чем через полминуты.

Нянь: "Разумеется, никаких духов не существует. С чего Вы вообще взяли эту чушь?"

Прочитав эти слова, Шэнь Чан Ань невольно хмыкнул, а затем и вовсе рассмеялся – коротким, горьковатым смешком. Как это было похоже на Дао Няня: безапелляционно, сухо и с лёгким оттенком превосходства.

Чан Ань: "В последнее время мне снятся какие-то очень странные, тревожные сны. Они такие яркие, такие реальные, словно всё происходит наяву, а не в забытии..."

Нянь: "О чём днём думаешь, то ночью и приснится (1). Не терзайте себя понапрасну, не ищите тёмных сил там, где их нет. Зарубите себе на носу: в этом мире нет ни божеств, ни демонов, ни

прочей мистической ерунды".

Чан Ань: "А... души умерших? Души тех, кто ушёл, - они есть?"

Нянь: "Человек умирает - всё равно что лампада гаснет (2). Ответьте мне: разве может погасшая, остывшая свеча хоть на мгновение сохранить в себе хоть крупицу бывшего тепла?"

Чан Ань: "У господина Дао Няня сегодня необычно хорошее расположение духа?"

Нянь: "С чего Вы взяли?"

Чан Ань: "Потому что сегодня Вы написали мне не одно-два дежурных слова, а несколько развёрнутых предложений. Это на Вас не похоже".

Едва это сообщение ушло адресату, как собеседник на том конце провода - или, точнее, по ту сторону экрана - вдруг замолчал. Повисла тягостная, напряжённая тишина, которую нарушал только монотонный шум дождя за окном. Шэнь Чан Ань тут же мысленно обругал себя последними словами. Ну зачем, зачем он ляпнул эту глупость, этот дурацкий, неуместный комментарий, когда ему наконец-то, в кои-то веки, уделили столько внимания, когда с ним говорили почти по-человечески?

Прошло несколько минут, показавшихся ему вечностью. Телефон наконец завибрировал, высветив новое сообщение.

Нянь: "Ммм".

Нянь: "Вы должны твёрдо, раз и навсегда, усвоить одну простую истину: в мире нет ни божеств, ни духов, ни демонов, ни чертей. Ничего сверхъестественного не существует. Запомните это как дважды два".

Шэнь Чан Ань долго, не мигая, смотрел на эти строки, на этот странный, почти заклинательный повтор, а потом по губам его скользнула едва заметная, тёплая, благодарная улыбка.

Чан Ань: "Я понял. Спасибо Вам, господин Дао Нянь".

Ответа больше не последовало. Вечером, когда рабочий день наконец закончился, Шэнь Чан Ань вернулся из офиса под всё тем же неумолчным дождём, принял тёплый, расслабляющий душ, смывая с себя усталость и сырость, и уже собрался лечь в постель, когда телефон снова подал голос. Дао Нянь отправил ему сообщение.

Дао Нянь: "Спокойной ночи".

Чан Ань: "Пусть вам приснится самый лучший, самый добрый сон".

Он закрыл окно их диалога, и тут же поступил входящий звонок. Начальник Ду, их непосредственный руководитель, коротко, без лишних церемоний, распорядился, чтобы завтра Шэнь Чан Ань отдыхал дома - брал внеплановый выходной за свой счёт, сославшись на какую-то производственную необходимость. Тот не стал ни возражать, ни выяснять причины. Положив трубку, он просто лёг на кровать, раскинув руки и ноги, словно тесто, которое раскатывают скалкой, и уставился в потолок, где играли блики от уличных фонарей.

---

1. 日有所思 (rì yǒu suǒ sī, yè yǒu suǒ mèng) - литературный перевод - о чём днём думаешь, то ночью и приснится - это китайская идиома, отражающая народное, восходящее к древним верованиям представление о природе сновидений как прямом отражении дневных забот, мыслей и переживаний человека.

2. 人死如灯灭 (rén sǐ rú dēng miè) - литературный перевод - "человек умирает - всё равно что лампада гаснет - устойчивое сравнение" - это широко распространённое в китайской культуре (особенно под влиянием рационалистических и атеистических традиций) для описания необратимости и окончательности смерти, полного прекращения не только физического, но и духовного, энергетического существования.

<http://bllate.org/book/16518/1504306>